

Рюзаї Вуддэри

Поверья

о Свободзе

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рюзай Вудбэри

Поверья о Свободе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69780970

SelfPub; 2023

Аннотация

Шепот его зовёт, а облик вызывает соблазн. Бетонные джунгли дают возможность, власть, деньги и популярность, но цена их высока. Находясь на краю пропасти, мир Линды меняется с ног на голову, когда погибающий в плену собственной жадности разум начинает бить тревогу. Закат или рассвет? Начало ли это пути или его конец? Время покажет... ну а пока, лишь звонкий вой рассветных колоколов и пара друзей не дают молодому брокеру окончательно утратить волю к жизни.

Рюзай Вудбэри

Поверья о Свободе

Пролог

Стрёкот цикад, извещающий о последнем месяце жатвы плавно разносился по ветру, оставляя после себя лишь мимолетные фантомы, что напоминали о тёплом и безмятежном лете. В это время деревня, что находилась в близь старой реки только-только просыпалась. Было видно лишь пару сонных пастухов что гоняли скот и торговцев с города, сортирующих товар. Где-то вдалеке, высоко на крутом холме, взревел утренний колокол. Окрестная школа, местные магазины, старенький парк развлечений на пляже, даже утренний рынок— весь город спал в тени плавно уходящей ночи, и лишь редкие лучики света, дотягиваясь до берега реки, кидали свои блики на светло-лазурный сарафан девушки, обожжённой солнцем.

Медленно, словно боясь спугнуть столь милый её сердцу миг, босые ноги переплетались по всё еще сырой земле в окружении густой травы, оставляя на щиколотках капли утренней росы и прохладное покалывание. В такие моменты её разум словно просыпался от долгого сна, а сердце колотилось в груди как у маленькой девочки, впервые увидевшей

оранжевый – точь спелый апельсин – рассвет.

– Всегда помни, кто ты есть. Всегда. – Стоя по колено в ледяной воде, она, не отрываясь, смотрела в своё отражение, что с каждым днём искажалось всё больше. – Всегда будь свободна. Всегда. – Мягкий, дрожащий голос разнёсся по ветру, унося сказанную клятву через обширные пшеничные поля и зеленые луга.

Проговаривая в слух главное правило её семьи раз за разом, девушка, кинув взор в небо, под звуки гремящего колокола закрыла кристально-голубые глаза и, молясь, просила небеса лишь об одном: познать наконец вкус свободы, столь желанной её душе, но столь неизвестной её разуму.

Глава 1

– Вот интересно, – Линда слегка наморщилась, поправляя подол юбки, – давно эти цветы выглядят так сыро?

До сего момента в офисном сером переулке, близь к служебному выходу, было тихо. Основной штат сотрудников и топ-менеджеры уже давно уехали: кто на дорогих машинах, только недавно отмытых до блеска на мойке, а кто-то по-простому, в душном, общественном транспорте, угрюмо мечтая о судьбе первых. Оставшийся персонал состоял в основ-

ном из трудоголиков, чья вера в “общее дело” (или неплохие сверхурочные) была выше личной жизни.

Перебирая в левой руке мятую пачку camel, Норм лениво почесал форменные усы, покрытые редкой сединой:

– А есть вообще такой цвет, как “сырой”? – Достав сигарету, он тут же спрятал её обратно, печально вздохнув.

– А почему нет? Люди придумали столько идиотских названий, вот смотри, – она повернулась к нему, краем глаза посматривая на дверь служебного помещения, – ты знал, к примеру, что есть такой цвет, как прюнелевый? Это оттенок черного. Или вот бусый – тёмный серо-голубой.

– Прюне... чего? – Левая бровь Нормы в недоумении приподнялась. – Я человек простой, Линда: если вижу перед собой красный – то это красный. – Норм пожал плечами, и также как и Линда покосился на служебный выход. – К слову, почему ты перечисляла только негативные цвета? – Покомканная как лист бумаги сигарета уже пятый раз выглядывала на улицу желтым краешком.

– А разве можно найти в этих бетонных джунглях хоть какую-то усладу для глаз? – Помолчав какое-то время, она с глубоким вздохом расставила руки в стороны, чуть не задев

лицо Норна. – Уехать бы.

– Вечно вы, молодняк, хотите куда-то свалить. – Сухо примяв сигарету меж губ, он пару раз черкнул старенькой, поржавевшей по краям “зипой” и прикурил сигарету. – Уеду туда – уеду сюда, а о других совсем не думаете. – Норн несознательно начал махать пальцем, словно отец, отчитывающий дочку. – Как же семья? Там, друзья, не знаю... тот, кто тебе дорог.

– Обо всех думать будешь – думалка сломается. – С уставшей улыбкой произнесла Линда, постучав пальцем по виску. – Да и если речь зашла об этом..., – она взглянула на одиноко качающийся цветок, что колыбался вдали от своих собратьев и грустно добавила, – было бы о ком думать, Норн, да только нет никого.

В этот момент служебная дверь распахнулась, и из неё с недовольными воплями вышла красивая девушка в яркой одежде, которая медленно, но, верно, подступала к бальзаковскому возрасту: маленькие часики на тонком кожаном ремешке хорошо дополняли розовое платьице, приятно огибающее её стройную фигуру, а укладка на коротких светлых волосах и аккуратный макияж говорили о долгих часах, проведенных утром перед зеркалом.

– Да кем этот набитый идиот вообще себя возомнил! – С криками и руганью Куся била по газону, который только сегодня утром идеально выстриг штатный садовник.

– Столько работы коту под хвост. – Заметил Норн, покосившись на счесанный отполированными туфлями Куси газон.

– Ну и что в этот раз? – Поинтересовалась Линда, на лице которой отражалось чуть больше, чем усталое безразличие.

Куся, усевшись посередине между Норном и Линдой, слегка покосилась на бегающие глаза горбатого Норна и подвинулась поближе к Линде, отмахивая рукой облако “горящего сена”.

Переведя дыхание, она ответила уже более сдержанно:

– Мудак Уоркин опять приставал ко мне. – Она кинула взгляд на серые цветы и, слегка улыбнувшись им, достала косметичку. – Красивые.

– Сырые. – Ответила Линда, переведя внимание на прихорашивающуюся Кусю. – Это какой раз за месяц уже?

– Шестой, – моментально произнесла Куся. – Два раза приглашал в ресторан, – она начала загибать пальцы свобод-

ной руки, – один раз в кино, и на той неделе предложил провести с ним “незабываемую неделю” вблизи океана. Как всегда банально.

– Пять, получается. – Произнёс Норн с долей насмешки, изогнув вечно хмурые уголки губ.

– Спасибо, Норн. – В голосе Куся читалось раздражение.

– Ну хочешь, я ему морду набью? – Выпятив грудь спросил Норн с серьезным выражением лица. Линда на мгновение забеспокоилась, что если Куся даст ему добро, то он так и сделает.

Аккуратно вытащив отсыревший бычок из его губ, она метко бросила его в рядом стоящую чёрную урну:

– Не стоит. Лучше побереги работу, морж. – Щёки Куся слегка порозовели, на что успела обратит внимание Линда, прежде чем Куся скрыла мимолетно проскочившую улыбку и повернулась к Линде. – Так вот сегодня, ты представляешь, зай? Этот свин ущипнул меня за задницу! Я отвесила ему хорошую пощечину, и сказала, что, если он еще хоть раз подобное сделает – я разобью его яйца так, что ни один скульптор в мире обратно не соберет!

– Ты как всегда. – Улыбнулась Линда, лениво потягиваясь руками к уходящему солнцу. – Фух, ладно, может в подкову?

– Оо, другой разговор! – От радости Куся похлопала в ладоши, стараясь забыть о начальнике – которого она терпеть не могла – хотя бы на эти выходные. – Учись, мудака толсто-брюхий, куда нужно приглашать девушек! – Сругнувшись на серое монолитное здание в последний за сегодня раз, Куся с улыбкой на лице взяла Линду под руку и весёлой походкой направилась в столь долгожданное для простой секретарши место.

Глава 2

Свет вечерних фонарей тусклым сиянием провожал уставшее солнце, лениво плывущее за горизонт.

Переулок шизофреника – так завсегда и называли эту чудную улочку, которая проходила между центральным сквером и деловым районом. Тут не встретить элитных ресторанов, и сюда редко когда заносит “пиджачков”. Тут собирались простые люди со своими заботами и проблемами, дабы проветрить мозги и сполна удовлетворить свои потребности. А такое название среди местных закоулков заработал благодаря тому, что на выходе, ближе к полуночи, застенчивого клерка в душной рубашке уже и след простыл – на сме-

ну ему пришел уверенный в себе сердцеед, кое-как перебирающий ногами в поисках дома (не обязательно своего).

Яркие свет от неоновой вывески, игриво танцующий во всём переулке; палитра красок, которую не спутать ни с чем и кричащее название “Сегодня ночью – две по цене одной!” сливались в унисон с толпами отдыхающих людей, беззаботно слоняющихся то тут – то там.

– Привет, Стивен! – Её радостный голос практически терялся среди всего этого оживленного балагана, но парень в кожаной куртке и чёрной кепке сразу оглянулся, ища пьяными глазами местную завсегдатаю. – Как жена? – мило поинтересовалась Куся у подвыпившего парнишки, что стоял в обнимку со столбом.

– Аа..п, привет Кусь! – Язык светловолосого паренька заплетался в такт настроению, что бурлило вокруг. – Х...ой, хорошо-о, она тут, отошла занять столик. – Он махнул рукой на одно из заведений, у входа которого стоял промоутер в тёмно-сером костюме медведя. – А ты как?

– Ой, зай, тебе не передать, знаешь, сегодня такое случилось! – Куся было начала пересказывать конфликт, произошедший к концу рабочего дня, но внезапный грохот, разнёсшийся по всей улице, потряс всю округу, от чего на мгно-

вание воцарилась настоящая гробовая тишина. – Господи, я думала у меня сердце с груди выскочит! – Все уставились на горящую вывеску паба “Родные Луга”, похожую на зеленые поля, населенные сотнями цветов. – А? Лин-Лин, тебе плохо? – Куся уставилась на Линду, которая оперлась на Норна, еле стоя на ногах.

– Всё нормально. – Она перевела дух и, слегка потрянув головой в разные стороны, уверенно встала на ноги. – Пошли может дальше?

– А, точно, время-ж не ждет! – Под возглас предвкушения Куся, троица уверенной походкой направилась к месту своего назначения, аккуратно обходя злополучную вывеску.

Вот он, бар “Подкова”. Среди всех пёстрых заведений, находящихся тут, он один выделялся своей скудностью на цвета. Грубая на вид, но гладко отшлифованная древесина с тёмно-бордовым окрасом занимала весь фасад заведения, оставляя лишь пару слепых пятен для окон и двери.

Вывеска в форме подковы и навесной керосиновый фонарь, как всегда, поскрипывали от лёгких дуновений ветерка, колтыхаясь из стороны в сторону.

– Смотрю, народ там уже гуляет. – С еле заметной улыбкой произнёс Норн.

Хоть с виду “подкова” и выглядела весьма скучно по сравнению с остальными заведениями этого чудного переулка, но это лишь ширма, заглянув за которую можно было увидеть бар, наполненный шумом охмелевших посетителей. Сдержанный, но привлекательный дизайн; всегда чистое и ухоженное заведение; лучшее на западном побережье крафтовое пиво, а также обширный ассортимент крепкого алкоголя вкупе с демократичными ценами делали это место просто раем для обычного работяги.

– Привет, Финко. – Сев за барный стул, Линда дважды стукнула кулачком по стойке, давая старому бармену знак.

– Принято. – Хмуро ответив, он, хромая на одну ногу, направился к дальнему уголку стойки, наливая маленький бокал светлого лагеря для разогрева, пока Куся с Норном подошли поболтать с общими знакомыми.

– Какие новости слышно?

– Всё по-старому. – Коротко отрезал Финко, поставив Линде бокал.

– А как малышка Бэтси поживает?

Уголки губ старого бармена слегка дёрнулись вверх, и он

СЛОВНО ОЖИВИЛСЯ:

– Растет не по дням, а по часам, знаешь! Завтра выходит в школу, врач сказал, что уже выздоровела, хотя я настаивал на том, что ей нужно еще пару дней покоя, и Марта еще талдычит, что она взрослая и прочий бред, но я то... – Финко начал тараторить, словно из пулемёта, пока не увидел, как Линда тихонько раздаётся смехом, прикрыв рот рукой. – Ты чего?

– Прости, прости Фин! Просто... как только тема заходит за твою дочку, – её указательный палец в перевес с бокалом смотрел прямо на морщинистое лицо бармена, – ты тут же преображаешься, словно дряхлого ворчуна – как и не бывало. – Она допила холодное пиво еще за пару глотков и, покачав бокалом перед Финко, издала продолжительный вздох, который разом смахнул всё напряжение, что она скопила за неделю.

– Дряхлого... кто бы мне еще тут это... кгхм. – Пока Финко пошел в подвал за новой кегой, бурча что-то себе под нос, она решила посмотреть телесериал, что шел по старому пузатому телевизору, прикрепленному к стенке над барной стойкой.

В нем, молодая и серьезная девушка по имени Сэма хоте-

ла уехать в столицу, дабы сбежать от контроля своих родителей и никогда больше не видеть бедность, которая её окружала:

– Ненавижу я это всё! Надоело! – Кричала Сэма, смотря влажными от слёз глазами на свою охающую мать и строгого отца. – Моё имя, моя жизнь, эта паскудная деревня, всё это так дос...

– Закрой свой рот! – Отец Сэмы подорвался с кровати и в тот же час раздался хриплым, продолжительным кашлем. – Опять... – Почесав подрванное горло он уставился на свою взбешенную дочь, которая стояла на старенькой веранде со скрипящей форточкой и наливаясь первыми слезами смотрела на него. – Ты вообще думаешь, что говоришь своим длинным языком, поганка?!

– А вы, когда называли меня таким ужасным именем? Вы хоть на секунду задумывались, как тяжело мне будет по жизни, а?! Сколько издёвок я еще должна вытерпеть от стервы Мингс и её шлюховатых подруг, чтобы вы поняли меня?! – В отличие от простодушной мамы, с которой она не стеснялась в выражениях, взгляда отца Сэма боялась больше всего, от чего сейчас она напрягала всю силу воли, что скопилась в её маленьком кулачке, дабы не отводить взгляда от этих красных, надутых злостью глаз. – Промозглая дыра, грязное

болото и паршивый обувной магазинчик – это разве жизнь?!

– Это имя дала тебе твоя бабушка и моя мама, и это имя будет с тобой до конца жизни, хочешь ты того или нет! – Мужчина кричал на весь дом, чуть ли не срывая голос каждым словом. – Неблагодарная ты погань...

– К чёрту эту дыру, к чёрту вас!

– Не смей осквернять её память. Не смей, Сэма! – Рука коренастого мужчины прописала девочке сильную пощёчину, от чего Сэма упала и ударилась об уголок подоконника, разбив губу.

Шум, больше похожий на помехи в старом радио звонко отдавался в ушах, а мошки перед глазами постепенно поглощали весь мир вокруг неё.

– О боже, Сэма! – Женщина тут же подбежала к ней, дабы помочь подняться, но была встречена лишь холодом, что оттолкнул её подальше.

– Не лезь! – Сплёвывая горячую кровь на пол, она со всевозможной ей ненавистью посмотрела на людей, которых уже вряд ли могла назвать родителями. – Отойди от меня.

– Но родная...

– Я сказала пошла вон! – она кинула в старую женщину ведро, крича во весь голос как подбитое животное. – Вы... вы хоть можете себе представить, каково изо дня в день терпеть издёвки в школе?! – голос Сэмы хрипло отдавался в шершавых стенах скрипучего дома, было слышно, как она выдавливает каждое слово. – Серьезная Сэма-серьезная Сэма, – кривляясь дрожащим голосом, она видела, как буквально на глазах бледнеет лицо её матери, – башмаки шьёт – никто замуж не зовёт! – Слезы злости, которые она более не могла сдерживать лились рекой. – Шить красивую обувь? Увольте! Бедность – вот мой главный враг! И никакие мечты о прекрасном не помогут погасить эту боль! – Уняв сильную дрожь в ногах, она встала и поковыляла к выходу, оставив родителей с глубокой раной в сердце.

Рябь в глазах размыва границы пузатого телевизора, смешав эту старую передачу в единую чёрно-белую кашу, и только тихие щелчки перед ухом позволяли Линде оставаться в бесконтрольном, но с трудом осязаемом ею мире.

– Алло, земля вызывает Линду. Приём, зайка, приём! – Слегка подвыпившая Куся смотрела на загипнотизированную Линду и щёлкала пальцами перед ухом.

– Чего? – Выйдя из транса, Линда мельком осмотрелась вокруг, глядя то на уставши вздыхающего Финко, то на ве-

сёленькую Кусю с бокалом мартини в руках.

– Не знала, что нашу Линдочку привлекает бредятина для малолеток. – Взгляд Куси был направлен на пузатый телевизор, где шел чёрно-белый телесериал с небольшими помехами.

Линда еще раз кинула свой взгляд на телевизор:

– Напомни, Куся, сколько тебе лет?

– Эй, даму о таком не спрашивают! – Она взяла Линду за руку и повела к их столику. – Пойдем же, ну, а то Норн сейчас повесится от скуки.

Глава 3

Вечер. Сутулый гигант в чёрных тонах, которого все обзывают “главным офисом” давяще нависал над Линдой. Сегодня в офисном переулке было особенно мрачно: десятки разбросанных по газону цветов отчаянно бились за жизнь, за своё право на существование с бушующим ветром, который в эту мрачную пятницу разгулялся с новой силой.

– Сегодня они долго, но... вы ведь не оставите меня одну, а? – Линда закончила раньше остальных, и сейчас сидела на

их привычном месте – самой крайней от служебного входа лавке, ожидая Кусю и Норна. – Такие хрупкие, но так упорно стоите на своём... – сказала она с ноткой грусти, смотря на газон с цветами, что росли вдоль всего переулка. – Вы ребята со стержнем, да? Характер у вас есть, я признаю. – Её голос был подавленный, словно обращаясь к кому-то изнутри. – Главное, не забудьте, кто вы и для чего в этом мире, хорошо? Держитесь за своё “Я” до самого конца, ведь... потеряв себя – вы станете не более, чем бездушной оболочкой... – взгляд Линды в одночасье застыл на бледно-серых подснежниках, лепестки которых отрывал один за одним бушующий ветер, – пустышкой, мечтающей о смерти. – Часть лепестков с диким воем поднялись вверх, кружась в вихре бледно-серого, оранжевого, фиолетового вальса. Подхватив тихо скатившуюся по щеке слезу, меланхоличное празднество цветов было окончено, и яркие, пестрящие красками лепестки улетели вдаль, оставив после себя лишь голые стебли цветов.

Руки и ноги уже дрожали и, словно выйдя из транса, Линда подумала, что сегодня стоило надеть тёплые штаны и куртку, вместо тоненького серого пальто.

– Клянусь, еще пять минут и я сама подымусь на их этаж! Чхать мне будет на правила, я замёрзла!

Только собравшись идти обратно, Линда увидела, как слу-

жебная дверь издала характерный скрип, и из неё показались хмурая Куся и Норн, лицо которого было мрачнее обычного.

“Опять что ли свин до Куси докопался” – подумала Линда, предвкушая вечер очередного нытья о том, как он её достал.

– Кусь, чего случилось? – с детским любопытством спросила Линда. – Пошли в подкову, по пути расскажешь, я выслушаю и...

– Прости, Лин, не сегодня. – Куся оборвала её на полуслове, опуская глаза вниз. – Я, пожалуй, пойду домой.

В этот момент удивлению на лице Линды не было предела. Не вовремя нагрянувшая мигрень отдалась сильной болью в висках.

– А что..., – она слегка пошатнулась, но быстро пришла в себя, – что случилось?

– Отец слёг. Второй день не встаёт с кровати, говорит, ноги холодные, болят. И знаешь, – в голосе Куси чувствовались одновременно и печаль, и раздражение, – этот симулянт решил слечь именно тогда, когда я захотела уехать отдохнуть на море! Скоро ведь отпуск, июнь, солнце. Старикан до последнего не хотел пускать меня, и, видимо, у него это вы-

шло. – Она нахмурила брови то ли в обиде, то ли в беспокойстве за отца и недовольно скрестила руки на груди.

– Не надо так об отце, Кусь. Может там действительно что-то серьезное?

– Много ты знаешь, морж. Я что, не заслужила чуточку свободы? Чёрт, всего неделю! И путёвка выгодная...

– Побольше некоторых. Моему перед смертью тоже было хреново, знаешь ли. Жарился три дня, а на четвёртый и вовсе того... сгорел.

– Сплюнь, дубина стоеросовая! Мой старик просто отличный симулянт. Я ведь рассказывала, что он по молодости в актёры пробовался? Но не задалось.

– Ну, доля правды в этом возможно есть. Это же, каким надо чудным быть, чтоб дочь Кусей-то назвать? – В голосе Норна присутствовала небольшая издёвка, дабы слегка раззадорить поникшую Кусю.

– Что-то я не поняла, морж усатый, тебя чем имя моё не угодило?

– Нет-нет, имя хорошее, просто... чудное, а?

– Небольшая нотка есть. – Согласилась Линда.

– И ты туда же, Лин-Лин! – Куся топнула ногой, вздвув губы на свою подругу. – Хорошее я имя себе взяла...

– А-а, тогда всё сходится. – Понимающе присвистнул Норн. – Вот от кого корни растут. А настоящее имя-то какое?

– Нету.

– В каком смысле?

– Нету и всё тут! То, что дали родители – именем назвать нельзя, ясно? Тему закрыли. – Голос Куси в этот момент стал необычайно для её задорного характера серьезным, от чего Линда с Норном поняли, что задели личное. – Честное слово, если когда-то и будет ребенок – я стану для него самым добрым родителем на свете!

– И он тихонько сядет тебе на шею. В воспитании с ребенком нужно проявлять дисциплину, строгость и контроль. – Сказал как отрезал Норн.

– И чего ты этим добьешься? Только травмируешь ребенка!

– А ты своей чрезмерной заботой? Почувствует излишнюю свободу и попадет в переделку. Знаешь где был бы такой красивый, молодой мужчина как я, будь в моём детстве больше контроля? А я скажу тебе. – Он с недовольством оглянулся на монолитное здание позади себя. – Явно бы не прозябал охранником в террариуме офисным клерков.

– Ага, так и помер бы один, не встретив нас. Ладно, хватит споров, ты идешь со мной или нет?

-Иду, иду. – Норн смущенно почесал макушку, после чего нырнул в карман за шуршащей пачкой camel.

– Да ну, и Норн? – в какой раз за сегодняшний вечер удивленно воскликнула Линда.

– И морж. Вызвался помочь. Ладно, Лин-Лин, целую, мы пошли!

Послав воздушный поцелуй, она пошла на остановку через центральный сквер, а Линда, плотнее прижав к себе пальто, одиноко побрела по серому, монотонному офисному проулку.

Бар “Подкова” – это место, где каждый может обрести

хоть и ненадолго, но всё же неподдельное счастье. Финко, хмуро потирающий бокалы, кинул мимолетный взгляд на вошедшую завсегдатаю Линду, скинувшую пальто на вешалку.

Постучав кулачком два раза по барной стойке, она дала привычный для Финко знак, от чего тот неспешно начал заполнять бокал пенным светлым. Где-то в другом конце бара старый музыкальный автомат проигрывал уже заевшую, но в такт настроению музыку, почти заглушенную на фоне вечернего галдежа; пузатый только-только начал транслировал пятничный телесериал о молодой девушке Сэме, желающей уехать со своей деревни. В этой серии рассказывают о преобразении девушки, о смене её характера, походки, поведения, причёски – всего, что выдавало в ней закомплексованную деревенскую простушку со смешным именем. Сэма стала отвязной девушкой, которая брала от жизни всё что захочет, и кого захочет. Сэма стала той, коей Линда не смогла бы стать никогда в силу своей карьеры, чрезмерной серьезности и амбициозных стремлений.

Внимание Линды привлекло уведомление, что пришло на телефон. Обычно в пятницу вечером она не получает ни от кого сообщений, ибо все её знакомые – Куся и Норн – напииваются с ней в подкове.

Голосовое сообщение было от неизвестного номера:

– Здравствуй... как бы это... привет, родная. – Судя по голосу – это была женщина преклонного возраста. – Я знаю, знаю... ты, ох... ты очень занята, работа, уже, но понимаешь... – В ушах у Линды нарастал шум, как от помех радио вперемешку с ударами молота об наковальню, от чего голова начинала болеть как во время мощных магнитных бурь. – и ты... я к тому, что может ты могла бы навесить? Он... рад, знаешь. Был бы рад... Ты с детства любила свободу, и... такой же, когда-то давно.

Боль в голове становилась невыносимой, правый бок словно покрылся коркой льда. Линда схватилась одной рукой за голову, а другой, уронив телефон, за бок, и чуть не слетела с барного стула. Почувствовав на себе чьё-то тёплое касание, она заметила, как её, покосившуюся в сторону проспиртованного деревянного пола, поймал светловолосый мужчина с глазами цвета позднего озёрного камыша.

“Коричневые? Нет, тёмно-коричневые, будто жженный сахар. Уверена, художники без тормозов в голове давно придумали цвет для таких глаз” – мысли в голове Линды мешались в жидковатую кашу, превращая всю эту ситуацию в постыдный балаган.

– Не ушиблась? – поинтересовался парень.

На вид он явно был моложе Линды. Лет на пять? Или больше? Она не могла определиться.

– Что?

Мужчина приподнял её, дабы Линда могла обратно усесться за барную стойку:

– Спрашиваю, всё в порядке? В облаках летаешь.

– Я... а, да.

– Рон. Ну, зовут так. – Он потянул руку с такой улыбкой, что Линда сразу поняла: бабник.

– Спасибо за помощь. – Линда холодно отвернулась, ища глазами своего любимого бармена с бокалом холодненького. – Финко, старый ворчун, ну, где ты там?

– Кажется, бармен тебя оставил.

– Нет, еще одной потери я явно не выдержу. – Линда сама не понимала, что несете, списывая всё на обморок.

– А что потеряла? – Рон спокойно зашел за барную стойку и, взяв пару бокалов, налил пенного светлого.

Язык Линды непроизвольно облизнул верхнюю губу:

– Он тебя прибьет, если заметит.

– Заметит что? – с улыбкой произнёс Рон, подсев на стул рядом и протянул руку с бокалом вперед. – Давай за то, чтоб ты нашла свою пропажу!

– Она не так далеко, как тебе кажется. Сэма. – Улыбнувшись, она чокнулась с Роном и добротной приложила к бокалу.

Имя, заимствованное у персонажа сериала, вся эта ложь самой себе... она понимала, что стоит остановиться, понимала, что всё это неправильно, но стресс, накопленный внутри неё – был уже на грани. Ей нужна была разрядка. Обнуление. Она хотела хотя бы вечерок побыть не скучным брокером Линдой, а Сэмой – отвязной деревенской девчушкой, которая, напившись, хорошенько трахнет этого Аполлона. Она приняла решение. И никто не может судить её за это.

Время шло, Финко, ушедший на склад за новой кегой пропал окончательно, а тем временем Линда, закидывающая бог

знает какой бокал виски, порядком осмелела и решилась:

– К слову. – Её тонкие пальцы игриво водили по горлышку бокала. – Чем занят сегодня вечером? – С долей хмельной игривости в голосе начала Линда.

– Ну-у, – протянул Рон игривыми глазами по глубокому декольте на её блузке, – есть один вариант с красивой рыжеволосой пьянчужкой.

– Бр-р, таких мы не знаем. – Она мило рассмеялась, приблизившись к Рону.

– Да? – Рон медленно подвинулся к Линде, остановившись лишь в паре сантиментов от её губ. – Могу вас познакомить.

– Мм... жду не дождусь. – С улыбкой шепнула Линда, прежде чем сойтись с Роном в страстном поцелуе.

Глава 4

Шли недели. Линда в роли Сэмы была на седьмом небе от счастья. Впервые за долгие годы она по-настоящему почувствовала себя живой. Почувствовала, что кому-то нужна. Дни с Роном пролетали на одном дыхании: они выезжали за город на пикник, ходили на новое популярное кино и про-

сто спокойно проводили вечера в местном гламурном ресторанчике, которые до этого момента Линда терпеть не могла. Линда – нет, но Сэма еще ой как любила.

Сегодня, как и обычно, в ожидании Рона Линда в коротенькой юбке и красивой кожаной куртке сидела на лавке у служебного выхода и смотрела на белые, красные и сиреневые цветы, пышно раскинувшиеся по всей территории светло-серого офиса. Линда не понимала, как она до сего момента не замечала столь прекрасную игру красок в местных садах. Ей хотелось сбежать, далеко, куда-нибудь на острова вместе с Роном. А кто еще ей нужен? У неё был только он. Только мужчина её мечты, что словно сошел с глянцевого журнала и заполнил собой всё её девичье сердце.

Время на часах показывало ровно полседьмого, и Рон уже как на двадцать минут задерживался, а его мобильник был в не зоны действия сети. Линда уже было начала волноваться, как неожиданно услышала голос, от которого в груди всё резко сжалось, а мигрень, не показывающая себя долгие недели, ударила с новой силой:

– Лин-лин, ты? – Голос был подавленным, хриплым. – Лин, это правда ты... куда ты пропала так надолго? – к Линде подошла девушка, которую она узнала спустя пару секунд немого транса и крепко обняла её. – Родная, я же беспокои-

лась. – Было видно, что она плакала.

– Ты... Кусь, ты как вообще?

Куся на мгновение замерла, после чего слегка дрожащим голосом сказала:

– Плохо, зай. Где ты была?

– Я..., – на секунду Линда задумалась, поглядывая на наручные часы, – долгая история. Может в подкову? Всё расскажешь.

– Угу. – Она слегка кивнула, зарытая носом в кожанку Линды. – Норн уже ждёт там.

Первое, что заметила Линда, когда зашла с Кусей в подкову – это то, что она чертовски давно тут не бывала. Бар был крайне грязным: пятна на полу, стекло от разбитых бокалов и томно покачивающаяся паутинка в углу у вешалки.

Финко, как всегда, стоял за барной стойкой и протирал бокал. Взгляд его был мрачнее обычного.

– Фин, в баре ураган что ли прошел? – Окликнула его Линда, ища столик с Норном.

Он медленно поднял голову и посмотрел на преобразившуюся Линду:

– Не совсем. Скорее... бардак.

– Это я вижу.

– Тут бардак. – Он пальцем постукал по виску. – Стар я, чтоб за баром следить, голова на части раскалывается.

– Нанял бы себе молодого бармена. – Заметив столик с уже порядком выпившим Норном, Линда и Куся пошли к нему, а Финко лишь буркнул что-то вслед и принялся протирать измазанную стойку бара.

– Привет, Норн. – Поздоровалась Линда.

– Мм, нашлась-таки. Тебя где носило-то?

– Еще один. – Куся уселась рядом с Норном, что Линда сразу заметила и села напротив них. – Долгая это история. Лучше расскажите, что у вас тут происходит? – Показав Финко три пальца, она взглянула на отрезвевшего Норна.

Они молчали секунд десять, прежде чем Куся, не выдер-

жав давящей тишины, сказала:

– Папа... его не стало. На той неделе. – Куся держалась из последних сил.

– Стоп, что?! – Линду шокировала такая новость, от чего её глаза были похожи на юбилейные пятаки. – Но почему ты мне не позвонила, Кусь? Я же могла...

– Звонила! – Куся в сердцах ударила по столу рукой, перенимая на себя всё внимание в баре. – Господи, да ты хоть знаешь, сколько раз я звонила, приходила к тебе домой, стучалась в дверь и просила открыть?!

– Но... – Линда не знала, что сказать, её словно парализовало, ибо последние недели пронеслись словно ураган, оставив после себя лишь тёплые воспоминания о Роне.

– Он не проснулся, Линда! – Куся сорвалась в непривычной для неё манере, но слегка успокоившись, продолжила. – На той неделе в пятницу он сказал, что поспит и...

– Он умер спокойно, и это главное, Кусь. – Пытался утешить её Норн.

– Самое страшное, что перед его смертью, мы так и не

помирились... господи, отца не стало с ненавистью в сердце к своей дочке! Почему... – Куся положила голову на плечо Норна и плакала взахлёб минут пять, пока её голос не стал постепенно стихать. – Почему я не говорила с ним... к чему эта гордость, если она приводит только к... боли...

– Я уверена, что на том свете он принял твоё сердце. Принял тебя, Кусь. – Линда под села к ней, ровно в тот момент, когда подошел Финко и молча, поставив на стол три бокала и бутылку креплёного виски – удалился.

Разлив горячительный напиток, они подняли руки вверх, и не чокаясь опрокинули бокал за один раз.

– Главное, что ты была рядом, Кусь. – Продолжил Норн. – Умереть в темноте и полном одиночестве – хуже всего на свете. Меня не было рядом, когда моя мама испустила свой последний вздох. Одна, в маленькой, старой комнатухе. Я... – он испустил тяжелый, продолжительный вздох, – черт, я до сих пор помню её прощальное письмо, это невозможно забыть, но... я думаю, что можно научиться с этим жить.

Посильнее прижав к себе Кусю, они просидели так весь вечер, пока две бутылки крепленной огненной воды полностью не опустели.

Пузатый транслировал уже привычное пятничное телешоу о молодой девушке, полностью изменившей себя, о Сэме, которая, собрав вещи, всё-таки решилась сжечь все мосты:

– Не хочешь объясниться? – Напряженно спросил отец Сэмы, смотря на то, как она обувается со стоящим рядом чемоданом.

– А какой смысл? – Сэма была спокойной, отвечая с равнодушным голосом. Она хотела уехать как можно тише, без лишнего шума и скандала.

– Куда ты собралась?

– Навстречу своей мечте.

– Твою мать, я спрашиваю, куда ты собралась?! – Отец схватил её за руку, сжав так сильно, что остался след.

– В город! Куда – не скажу, чего не понятного?! Надоели мне эти глухие поля, надоела эта погоня за мечтой ради лишней копейки! Надоела эта бедность! Свобода мне нужна, понимаешь? – Она отчаянно пыталась разглядеть в глазах отца хоть толику понимания, но вместо этого видела лишь давящий гнев, который словно запирает её в клетке.

– Ты никуда не пойдешь, покуда я твой отец! – Последние надежды Сэмы быстро потухли под натиском ярости, что поглощала её.

Сэма, выдернув руку изо всей силы, схватилась за железную кочергу, что стояла в уголке комнаты:

– Не лезь ко мне, предупреждаю.

– Что... – Её отец, не веря своим глазам, посмотрел на Сэму тем самым взглядом, которым одаривал её при любой ссоре. – Да я же просто хочу убереечь тебя от глупостей! Я ведь...

– Мне уже восемнадцать, я полностью свободная женщина. – Перебила его Сэма. – Я так решила! – Сделав на себе акцент, она спокойно взяла чемодан и вышла из дома.

– Когда у тебя не останется ни гроша – даже не смей заявляться в этот дом! – Он кричал ей в спину, идя по дорожке, вымощенной из её слёз. – У меня больше нет дочери! Неблагодарная тварь – вот ты кто!

Этот вечер был тихий. Ни громкой музыки, ни гуляющей толпы. Лишь пару занятых столиков, за одним из которых

Линда, Норн и Куся молча провожали её отца в иной мир.

Глава 5

– Орех. – Сонным голосом произнесла Линда.

– Да прям уж.

– Сочный орех. – Линда внимательно смотрела на подтянутый зад Рона, пока тот одевался. – Что ты делаешь на эти выходные? Я бы хотела познакомиться тебя со своими друзьями. Один немного мрачноват, но, когда напьется – душа компании, а другая... ну ты главное не удивляйся её имени, а так она очень хорошая девчонка.

– Я не смогу, Лин. – Его голос был холодным, можно сказать отчужденным.

При следующей же встрече с Роном она призналась, что соврала ему о своём имени, взяв его у персонажа одного телесериала.

– Занят?

– Можно и так сказать. – Он присел на край кровати рядом с ней. – Послезавтра я уезжаю.

– И куда?

– Домой... к семье.

В груди у Линды как будто бы всё сжалось, она боялась слушать дальше, но, тем не менее, спросила:

– И надолго?

– Навсегда. – Сердце Линды закололо, а в животе появилась острая боль, она уставилась на Рона с выпученными, влажными глазами. – Я уже говорил тебе, помнишь? Деревушка вблизи моря тянет меня обратно.

– И что ты собрался там делать? В деревушке этой. – Она не позволяла себе плакать, только не при нём. – В городе есть возможности, есть деньги. И мы... – она неосознанно проявила толику сентиментальности, так не присущую ей по духу и с надеждой взглянула в чёрно-коричневые глаза, – мы могли бы начать новую жизнь здесь. Повышение не за горами, а там и ты найдешь то, что тебе по душе...

– Я не смогу так, Лин. Я же еще при нашей первой встрече говорил, что крупные города – это не моё.

– Да во имя всего святого, ты ведь не маленький мальчик, Рональд! Твои родители прекрасно справятся и без тебя. Ты действительно хочешь загубить свою жизнь в глуши? Ради чего всё это?! – Огонь в её глазах прожигал Рона изнутри, она действительно не понимала, как человек добровольно может променять возможности и шанс на ничто.

– Я не могу отвернуться от всего только ради денег и статуса! Они мои родители, Линда, и все, кто у меня остались!

– Все, значит? – Холодным голосом переспросила Линда.

– Да что же это... – Он встал, и молча смотрел какое-то время в окно, прежде чем надеть куртку и пойти к выходу. – Я не жду, что городская девушка поймет меня, но в жизни есть кое-что поважнее, чем карьера и большие деньги.

– И что же это? – Уставши спросила Линда, ища на заброшенной всяким хламом полке бутылку вчерашнего полусладкого.

– Мечта.

– Пха, чёрт, bravo! – Линда саркастично похлопала в ладоши, пуская смешки.

Голос Рона был тихим и спокойным:

– Я видел, какими глазами ты смотришь на этот город, и слушал, внимательно слушал, когда ты рассказывала про то, как ненавидишь всё это. Твоя душа задыхается здесь, Линда. – Слова Рона будто отпечатались в её душе, оставив рану, которую она закопала глубоко в себе. Треск в ушах, словно разгорающееся пламя поглотил мир вокруг неё, оставив за собой лишь голос Рона, что звучал в голове как мелодия. – Если ты вдруг захочешь... – он помолчал несколько секунд, раздумывая, стоит ли это делать, – если ты когда-нибудь задумаешься о спокойной жизни, ты будешь знать место, где тебя всегда примут. – Положив свёрток на стол, он перед уходом повернулся к ней. – Я люблю тебя, Лин, но не смогу тут остаться.

В ту же секунду, как дверь за Роном захлопнулась, лицо Линды, доселе остававшееся невозмутимым, начало искривляться. Тонкая нить, играя в лучах оранжевого солнца, медленно стекала вниз по её фарфоровой щеке. Она понимала, что всё в этой жизни не вечно: будь то любовь, клятва или память – есть только смерть, которая уравнивает абсолютно любое живое существо. Жизнь одна, и сколь она коротка – столь и красива, вопрос только в том, возможно ли удержать мечтательную синицу в дрожащих перед жадностью руках?

“Разве я так много прошу?” – Вопрос терзал её воспаленный от мигрени разум, пока она, свернувшись калачиком на влажной после ночи постели рыдала захлёб, крича и проклиная всю свою жизнь.

Много ли просила от судьбы Линда, возжелав о счастливой жизни с близким её сердцу человеком? Всего лишь одно мгновение, прежде чем её голубые как небо глаза навсегда потеряют краски, которые вдыхали в них жизнь.

Вечер того же дня.

– Может нажрёмся? – Холодный взгляд покосился на недавно пришедших Кусю и Норна.

– Мм, заманчиво.

– А вот это уже сигнал, зай. – Куся подсела к уже изрядно наклюкавшейся Линде, которую они заметили в подкове. – Когда мы не застали тебя возле служебного выхода, то не на шутку переволновались. Норн подумал, что ты опять пропадёшь на месяц. – Она взглянула на безразличное лицо Линды и подсела ближе. – Что стряслось, родная? – Голос был переполнен осторожностью, словно боясь спугнуть дикую белку.

– Бросил. – Линда медленно подняла бокал с прозрачной жидкостью и, поморщившись, залпом осушила его.

– Кто? – С искренним любопытством поинтересовался Норн.

– Не тупи, морж. Помнишь того парня, о котором рассказывала Линда?

– Какой-то Аполлон, да?

– Мудак он! – Вскрикнула Линда. – Но люблю идиота.

– Ох, детка, давай-ка ты нам всё расскажешь. – Куся показала Финко два пальца и, дождавшись пока он кивнет в ответ – перевела взгляд на Линду. – По порядку, угу?

– Да чего мне рассказывать-то?! Сказал, что сваливает в деревню к своей... *ик* семейке! Сука. Заставил пить водку, ты представляешь?

– Может у него случилось что-то серьезное? Ты спрашивала у...

– Семья. – Тихо ответила Линда. – Он свалил к семье, мол, без него не смогут, и вообще город видите-ли не для него!

За мечтой он погнался, дурак наивный!

– Так его можно понять. Ты бы ради своей семьи и мечтаний не уехала? – Возмущенно поинтересовался Норн, нахмутив брови.

– Да было бы к какой, но... черт. – Линда попятилась в сторону, но сдержала себя на месте и посмотрела на Норна. Ты вот, променял бы шанс начать тут карьеру, ради глуши? Травка-муравка, водичка чистая... пф, глухомань и коровий навоз – вот и вся ваша сказочная деревня.

– Я – нет, но ради семьи... это уже другой разговор. Тут же знаешь какое дело, Линда? Человека всегда тянется к своим корням. А если это еще и подкреплено амбициями, желаниями и мечтой – тут, как говорится, выбора нет. Возможно, твой этот Райан..., – Норн почесал усы, словно что-то пытался вспомнить, – то бишь как его, Рон – нашел своё место в жизни? Ты бы порадовалась за парня, что он обрёл цель.

– Как всегда тактичен, морж. Как всегда. – Куся ударила себя по лбу, глубоко вздыхая и смотря на непонимающего Норна.

Мигрень Линды вернулась, от чего её затошнило, и она направилась в сторону туалета:

– Я сейчас.

Поправляя короткую – для офисного сотрудника – юбку, она шатаясь, встала и неровными шагами пошла в уборную; на мятой офисной блузке виднелось небольшое пятно, оставленное после пролитого виски, а стильные чёрные оксфорды с небольшим каблучком были потёрты по краям.

Старый бармен Финко, в конце позабывший про уборку, молча пялился в телевизор, где транслировался уже привычный пятничный сериал про девушку Сэму, наконец-то переехавшую в большой город. Это был первый эпизод, который Линда увидела в цвете: повсюду были серые, но не потерявшие своей красоты джунгли; сталь, стекло и бетон смешались воедино, представив перед молодой Сэмой новый необычайный мир, в котором находилось место и для красочных, полных эмоций улиц большого мегаполиса.

Тошнота Линды прошла, и хоть мигрень только усилилась – она смотрела на экран словно замороженная.

На экране быстро сменялись времена года, показывая шагающую по улицам Сэму, стареющую прямо на глазах. Мир уже не был таким ярким, а город воротил одним своим видом. С годами, Сэма начала забывать родных, свою цель, с которой приехала на большую землю, забывать себя. Дни протекали монотонно, и лишь тёплые воспоминания о детстве –

до того, как родители потеряли практически всё – помогали ей кое-как двигаться дальше, пока последний тлеющий огонёк внутри неё горел светом надежды. Под конец истории зритель видит, как молодая дерзкая девушка по имени Сэма стоит на краю всего её мира: бесчисленные тротуары и побитые серые блоки, отдававшие холодом и смертью раскинулись перед ней во всей красе и немом ужасе, напоминая о том, что она потеряла в погоне за собственной жадностью и фальшивой мечтой.

– Всегда помни кто ты есть, всегда. – Она раз за разом повторяла одно и то же, пытаясь ухватиться хотя бы за тоненькую ниточку воспоминаний, что связывали её с прошлой жизнью. Лишь спустя какое-то время, пока её глаза скользили по беззаботно идущим по своим делам людям, последний тлеющий огонёк в её глазах затух. Она с болью в сердце осознала, что больше не принадлежит этому миру, перестав узнавать девушку, в теле которой живёт. Сделав шаг вперед – она воспарила навстречу своей судьбе, отблёскивая яркими хрусталиками слёз, падавшими вместе с ней.

Оторвавшись от экрана, Линда почувствовала, как её правый бок покрывает толстый слой льда. Ей холодно, руки дрожат, а сердце стучит как ненормальное. Она поняла, что устала от этого.

“Карьера, дом, статус, а после – семья и любовь. Никаких

компромиссов, ведь компромисс порождает слабость, а слабость – есть крах” – эта мысль въелась в голову Линды, не давая ей нормально осознать, что реально, а что нет. Где начинаются её личность, а где Сэмы, которую она выдумала для Рона, или же Линда – и есть изначально поддельная личность? Но Линда не могла в это поверить. Ведь она – это она, сколько себя помнит. До сего момента умная и уверенная в себе Линда ни на секунду в себе б не сомневалась, но сейчас её разум словно раскалывался на тысячи мелких кусочков, собрать которые сама она более не в силах.

Словно цветные фотокарточки, мелькающие один за другим – её дни пролетали перед глазами: серые, одинаковые и безликие; лишь пару людей в её жизни озаряли свет заботы, домашнего очага что непрерывно согревал и без того потрёпанную душу, оберегая её от проклятья забвения. Кто были эти люди? Кем они приходились Линде? Ответ на этот вопрос она безостановочно искала в самых глубоких уголках своей памяти, но на смену тёплой заботы её разум окончательно заполонил Рон, источающий свежую как утренний дождь свободу, такую холодную, но желанную ею.

Собрав свои мысли воедино, она, крепко сжав замусоленный свёрток в кармане, решила, возможно на самый главный шаг в её жизни.

Глава 6

Тёплое летнее утро. Какое-то время в этом месте была абсолютная тишина; сотни людей с набитыми чемоданами тихо стояли в ожидании огромных металлических лошадей, которые развезут их по разным частям этого необъятного мира. С первыми лучами солнца, которые ознаменовал стук огромных настенных часов, холодные металлические колонны вышли из тени, и перед Линдой предстал поражающий своими размерами центральный железнодорожный вокзал, раскинувшийся на многие сотни метров.

Вся тишина, стоящая доселе на вокзале, была в миг стёрта, будто её и не было.

Поднялся гул, за которым последовал хор цокающих об мрамор туфель. В один миг все люди, словно роботы, словившие сигнал, впопыхах куда-то направились.

“Вы будто насидеться в поезде не успеете, честное слово” – Сонно подумала про себя Линда, наблюдая за всей этой суматохой.

Несмотря на довольно жаркую погоду в это время года, на ней было утепленное тёмно-синие пальто, чёрные джинсы “высокой посадки”, и элегантные, подчёркивающие её нату-

ру перчатки; рыжие, как спелый апельсин волосы были собраны в конский хвост, и лишь изредка, когда ветер позволял себе прогулку вдоль железнодорожных путей, легонько развеивались по ветру. Причина выбора её одежды была не в сдержанном вкусе, присущем этой женщине – Линде было банально холодно. Еще с того дня, когда она всё для себя решила. С той пятницы, которая словно вернула её к жизни. Держа дрожащими руками скомканную записку от Рона, она в надежде оборачивалась по сторонам, не спеша за остальными в поезд.

Её друзья, её опора и люди, которых она в некоем смысле полюбила, должны были вот-вот прийти.

Забренчал телефон, и небрежно достав его из кармана с третьей попытки, она, не посмотрев на экран, нажала на кнопку попавшую кнопку.

– Кусь, ну, где вы там? Поезд скоро отправляется! Холодно, жуть...

– Здравствуй, родная. – Послышался хриплый прерывистый голос. – Я ведь тебе уже говорила? Нет... да... говорила... проклятье, что... на нашем роду... но я помню... всегда помнила...

– Алло, это кто? – Мигрень, беспокоящая Линду с утра,

усилилась.

– В крошечной темноте... совсем... одна.

– Вы ошиблись номером. – Линду охватило неприятное ощущение, будто она должна была выслушать эту женщину, но нажав на кнопку завершения звонка, она увидела вдалеке две махающие ей фигуры.

Куся была в лёгкой летней кофте и юбке, а Норн в серой футболке с джинсами. Они были очень легко одеты для такой холодной погоды, подумала Линда.

– Прости за задержку, зай, пропустили автобус из-за коекого. – Она посмотрела на Норна, и только тогда Линда заметила одну интересную деталь.

– Меня что ли глаза обманывают? – Линда смотрела на руки Куся и Норна, которые были скрещены вместе.

– Не спрашивай, Лин. – С мимолетной улыбкой попросила Куся. – Так что..., – её голос вдруг стал ниже, – ты решила, да?

– Да. – Взгляд Линды был наполнен решимостью.

– Знаешь, а ведь можно попробовать вернуть билет! – В лице Куси томила нетленная надежда. – Или... или давай просто порвём его! А потом завалимся в подкову, вот так, прямо с утра! Напьёмся до упаду!

– Кусь.

– Знаешь, ты ведь даже можешь не переживать за деньги, я тебе их отдам и всё! – Глаза Куси стали влажными, но она с хрупкой улыбкой на лице продолжала.

– Послушай...

– Это будет моим подарком, а? Плюс попойка в подкове за мой счёт! Придется посидеть недельку на дешевой вермишели, но ничего, – её голос начал дрожать, а щека приняла первую слезу, скатившуюся словно хрусталик, – ничего, ведь, скоро зарплата, и Норн, он... – В этот момент Куся, державшаяся до последнего, сорвалась с места и со всех сил обняла Линду, горько заливаясь слезами. – Прощу, родная, не надо! Без тебя, я ведь... я ведь...

– Я не оставляю тебя одну, Кусь. С тобой Норн, и мы сможем созваниваться, я буду стараться приезжать как можно чаще, а вы в ответ будете выбираться ко мне. Как тебе идея? Помни, что будь, между нами, океан или глубочайшая про-

пасть – я всегда найду возможность увидеть тебя.

– Всегда? – тихо, заикаясь, спросила Куся, точь маленький ребенок.

– Всегда, Кусь. – Линда погладила её по голове и посмотрела на Норна, который, всё это время молча стоял в стороне, дабы не мешать им прощаться. – Приглядишь за ней, а?

– Обязательно. – Он достал из кармана круглую брошку с колоколом посередине и вручил Линде в руку. – Всегда будь свободна, Линда, и не забывай кто ты. Слышишь? – Его взгляд был серьезным, но в нём читалась искренняя забота о ней, будто она была дочкой, которую отец выпускает из родительского гнезда.

– Обещаю. – Сказала Линда, цепляя брошку на пальто. – А ты, значит, можешь быть добрым, а, Норн? – Добавила она с улыбкой.

Уголки губ Норна слегка приподнялись:

– И не надейся увидеть такое еще раз, пьянчуга.

Поезд издал три гудка, которые сигнализировали о том, что скоро отбытие.

– Пора. – Линда понимала, что нельзя затягивать и без того тяжелые для её сердца прощания. – Знаете...– она на секунду запнулась, – хотелось бы мне иметь таких родителей, как вы. – Улыбнувшись от всего сердца в свете утреннего солнца, и напоследок обняв Кусю с Норном, она молча пошла в свой вагон.

Перед посадкой, проводница поезда, принимающая у Линды билет, спросила после недолгой паузы:

– Уверены?

– В чём? – В лёгком недоумении спросила Линда, посмотрев ей в глаза.

– Проходите и занимайте ваше место, хорошей поездки. – Сказав это, женщина в чёрной форме развернулась и ушла, не показав на лице даже толику эмоций.

Не став заострять на этом внимание, Линда прошла напрямиком в своё купе, которое, не смотря на не самый дешёвый билет, было обставлено крайне простенько, эдакий стиль старого провинциального поезда, который катается преимущественно по небольшим сёлам.

Пока Линда, изрядно замёрзшая, прибывала в мечтах о

тёплом кусочке рая, который будет только для неё и Рона, поезд, издав пронзительный скрип, тронулся с места. Постепенно набирая скорость, железный конь исполинских размеров пролетал одну холодную колонну за другой, оставляя после себя лишь клубы дыма и фантомов, что следуют за слепой мечтой.

Эпилог

Поляна, на которой она играла в детстве, в это время года уже покрывалась изморозью, а водная гладь не показывала даже малейшего признака беспокойства, находясь в сладких дрёмах под пение утренних птиц. Она любила выходить пораньше, за час до восхода солнца, дабы каждый раз вновь и вновь испытывать то самое чувство, когда босые ноги ступают на слегка прохладную травку, закапываясь в неё по самые щиколотки. Лёгкой походкой она выходила на берег реки, что тянулась вдоль всей деревни и, покрепче закрывая глаза, впитывала запах лесной свежести в полную грудь, представляя себя в роли вольной птицы, плывущей по небу.

Воспоминания, подобно горному истоку, мощной волной хлынули к устью реки, сливаясь в необъятный голубой океан, что по капле был возведен буйствующей игрой погребенного под слоем льда сознания; мир вокруг неё переворачивался вновь и вновь, сливая будущее с прошлым, а прошлое

– с настоящим. Раз за разом, под умоляющие крики людей мир делал оборот, после чего издавал разрушительный вой подбитого животного, скрипя и содрогаясь об землю.

Сидя на сухой земле, похолодевшее тело купалось в лучах закатного солнца, кидая блики на порядком запёкшуюся лужу крови. В голове до сих пор не стихал скрежет многотонной металлической колесницы, уничтожающей всё на своём пути. Правый бок – как ей казалось – был покрыт ледяной коркой, открывая для умирающего от боли мозга новый полёт фантазии.

Крик, буйство и мольбы сотен людей сплетались воедино в её сознании, делая очередной оборот, за которым неминуемо последует падение. Иллюзия, обман или неприкрытая, ужасная реальность: что было будущим, где протекало прошлое, и когда явится настоящее? Ответ был там, глубоко на дне ледяного океана, где нет ни света, ни капли тепла.

С трудом открыв веки, Линда с тяжелым хрипением в груди осмотрелась вокруг: железнодорожный состав исполинского коня сошел с рельс, разбросав вагоны по всему полю. Красные языки пламени, игравшие уже долгое время, начали стихать, приглашая на смену лишь тлеющую дымку, вальяжно покачивающуюся на ветру.

Облокотившись на одно из немногочисленных деревьев, что здесь находились, Линда дрожащими руками нащупала

в кармане телефон, и будто впервые за всю жизнь прозрела: тот, кого она всем сердцем желала сохранить в своём разуме, все это время отчаянно пытался достучаться до Линды, завернутой в плотный кокон. Её разум никогда не был столь чисто и спокоен, как сейчас.

– Всегда помни. – Тихо произнесла Линда.

Найдя в списке самое старое голосовое сообщение, она, с дрожью в руках, включила его:

– Привет, зайка, это... знаешь, это мама, – звук копошения и тихий голос на фоне какое-то время мешал продолжить, – прости, если я тебя отвлекаю, но... прошло пять лет, и... я просто хочу узнать, дорогая, ты так и собираешься игнорировать отца? Я знаю, знаю, что он сделал, но... это ведь твой отец..., – звук копошения усиливается, чередуясь с глухим кашлем, – он ведь, знаешь, он ведь просто хотел защитить тебя, всегда был таким... боязливым, когда дело касалось его дочки – следует продолжительное молчание, – позвони как сможешь, люблю тебя.

Глаза Линды стали влажными, она судорожно включила следующее сообщение, подавляя желание вскрикнуть от боли в боку:

– Здравствуй... как бы это... привет, родная. – Послышался сильный, продолжительный кашель. – Я знаю, знаю... ты, ох... ты очень занята, работа, и я, наверное, уже достала, но понимаешь..., – слышится тихий всхлип, – твой папа, Линда, ему плохо. Я... господи, клянусь, я не знаю, сколько ему осталось, и ты... я к тому, что может ты, могла бы навестить его? Он, знаешь... был бы очень рад. Он давно всё переосмыслил, и... просит прощения, Линда. – Слышен тихий, сдавленный плач, – папа любит тебя, понимаешь? В последнее время, когда у него хватает сил встать с кровати, он часто бывает на том месте, где ты ходила каждое утро перед школой... та поляна, у реки... там красиво. Ты с детства любила свободу, – слышен слабый, сдержанный смех вперемешку со всхлипами, – а я ведь была такой же, знаешь? Когда-то очень давно. – Звуки копошения со всхлипами продолжались какое-то время. – Прошу, приезжай, как только сможешь, целую. – Запись обрывается.

Плотно зажав рот рукой, Линда, скривив лицо, сдерживала крик из последних сил, слушая одну запись за другой, и понимая, что случилось. Она нарушила главное правило, суть, которую ей с детства вбивала мама. На экране показалась последняя запись, отправленная в день отъезда к Рону:

– Здравствуй, родная. – Голос был сильно уставшим, с тяжелым дыханием и хрипотой. – Знаешь, еще в детстве, когда

я была маленькой, – слышался тяжелый кашель, – мама...
ох, мама... я помню этот день как сейчас, она наставляла меня, говорила мне: “ты – оберег для своего ребенка, путеводитель по этому миру, не дай ему стать пленником собственного разума”. Я... ведь тебе уже говорила? Нет. – Звук копошения, как от листов бумаги продолжается какое-то время. – Да, да, говорила. Проклятье, что лежит на нашем роду, – слышался тяжелый кашель, за которым последовало продолжительное вошканье и слабые вздохи, – твой папа знал, и всё равно принял меня... принял нас. Ибо я помню. Всегда помнила, кем я являюсь, и старалась..., – сильные всхлипы разбавляли хриплый голос, – видит бог, я лишь хотела тебя защитить, солнышко! – Голос на мгновение затих, после чего продолжил со спокойной, уставшей интонацией, – вчера отца не стало. Он просил передать тебе только одно: “Всегда будь свободна, и не забывай кто ты”. И я... Сэма, доченька..., – из трубки слышался сдержанный плач и всхлипы, будто рот крепко закрывали рукой, – я боюсь умирать одна, в крошечной темноте... совсем одна, Сэма. – Какое-то время из трубки вырывался лишь один душераздирающий плач, пока постепенно не наступила продолжительная тишина. – Я..., – слышался сдержанный голос, – я лишь надеюсь, что путь, который ты выбрала – был правильным. Я люблю тебя, Сэма, – голос стал похож на шепот, – мама любит тебя.

Провожая оранжевый закат, Сэма внимательно рассмат-

ривала небольшие холмы и широкое, раскинувшееся на многие мили зеленое поле, усеянное цветами. Она хотела запечатлеть в своей памяти каждую, даже самую маленькую деталь, дабы навсегда остаться в этом чудесном мире, так похожем на тёплые воспоминания из её детства.

Холодный ветер набежал с запада, покрыв её и без того ледяную кожу мурашками, и с последним приоткрытым миру лучиком солнца она заметила круглую брошку с колоколом, лежащей на земле вблизи одиноко покачивающейся лилии: столь вольной, столь желанной.

В последний раз взглянув на засыпающее солнце, Сэма, захлёбываясь собственными слезами, закричала во всё горло что есть мочи: она отдала миру всю себя, выплеснув боль, что поглотила разум, но получив свободу, которую так желала душа.

Конец.